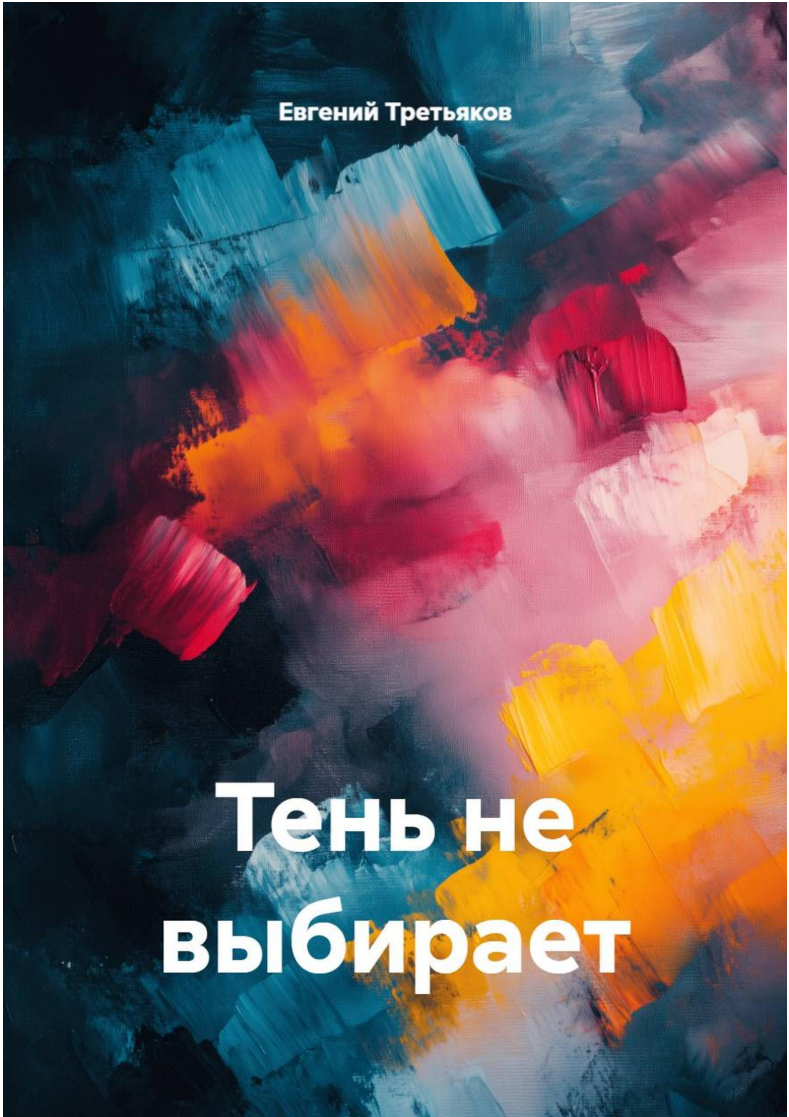

Евгений Третьяков
Тень не выбирает

Евгений Третьяков
Тень не выбирает

https://litres.ru/74716608
SelfPub; 2026

Аннотация

Есть комнаты, из которых выходят другими. Есть правила, которые учат наизусть, чтобы однажды обнаружить: они не спасают — они отделяют. Тень не выбирает. Тень не сочувствует. Тень не помнит. Так проще: у тени нет лица, которое может отразиться в чужом взгляде.

Но человек — это не то, что он повторяет каждое утро. Человек — это то, что он делает, когда правило молчит. Шаг в сторону. Рука, которую он не отпустил. Тепло под рёбрами, которое не награда, а вопрос.

Это книга о тех, кто учился быть незаметным, — и о мгновении, когда незаметность перестаёт быть защитой и становится потерей. О воде, которая не спрашивает. О свете, который светит не для тебя. И о собаке, которая просто идёт рядом — потому что кто-то должен.

Притча о выборе, написанная тихо. Для тех, кто тоже когда-то стоял в десяти шагах и смотрел.

Содержание

Глава 1. Комната 5
Глава 2. Однокурсник 12
Глава 3. Парапет 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Евгений Третьяков
Тень не выбирает

Глава 1. Комната

Комната была почти пустой.

Стол. Два стула. Лампа без абажура — свет жёсткий, плоский, как в допросной. На стене — ничего. На полу — ничего. Даже пыли не было, будто её вымели не для чистоты, а чтобы не осталось следов.

Он сидел на стуле посередине. Не за столом — отдельно, лицом к лампе. Мокрый. Волосы слиплись, рубашка прилипла к спине, с пальцев капало на пол. Он не помнил, как вошёл. Не помнил, как сел. Помнил только воду — холодную, тяжёлую, которая шла не в горло, а глубже, в грудь, в живот. И темноту. Плотную, тихую, без дна.

А потом — свет. Тёплый. Ровный. Безучастный. Такой, будто он светит не для него, а просто светит, потому что так надо.

— Не отворачивайся, — сказал первый.

Голос был ровный, почти усталый. Он поднял глаза. Первый сидел за столом — пожилой, в очках, с лицом человека, который слишком долго смотрит на одно и то же и перестал удивляться. Второй стоял у стены, сложив руки на груди. Моложе. Жёстче. Он не смотрел на него — смотрел на лампу.

— Ты знаешь, зачем ты здесь, — сказал первый. Не вопросом.

— Знаю.

— Скажи.

Он помолчал. Лампа гудела — тонко, на одной ноте.

— Я утонул.

— Ещё.

— Меня вытащили.

— Ещё.

— Мне дали второй шанс.

Первый кивнул. Медленно, будто ставя галочку.

— А теперь скажи, что ты должен делать с этим шансом.

Он открыл рот — и не смог. Слова были где-то рядом, он чувствовал их форму, но они не шли. Как будто внутри что-то перекрыло путь. Он попробовал снова. Губы двигались, но звука не было. И где-то под рёбрами — там, где должно было быть тепло, — стало холодно. Будто он только что коснулся чего-то, чего трогать нельзя.

— Вот, — сказал второй, и в его голосе была почти жалость. — Он даже правило проговорить не может.

— Дай ему время, — сказал первый. Но времени не дал. — Ты помнишь, чему тебя учили?

— Помню.

— Скажи.

Он стиснул зубы. Где-то глубоко, под рёбрами, шевельнулось — не мысль, не страх. Что-то другое. Будто он забыл что-то важное. Или вспомнил — но не то.

— Тень не выбирает, — сказал он наконец. Тихо. Будто

выдавил.

— Хорошо. — Первый откинулся на стуле. — Ещё.

— Тень не сочувствует.

— Ещё.

— Тень не разговаривает.

— Ещё.

Пауза. Лампа мигнула — коротко, как будто где-то в проводке что-то передумало.

— Тень не помнит, — сказал он. И сам не понял, почему это было тяжелее всего.

Первый посмотрел на второго. Второй — на первого. И в этой паузе было что-то, что ему не понравилось. Не угроза. Оценка.

— Ты помнишь, как ты утонул? — спросил первый.

Он замер. Вопрос был простой. И ответ был простой. Но где-то под рёбрами стало тесно.

— Помню воду.

— Ещё?

— Холод. И перила. Низкие. Я стоял на выступе. Держался одной рукой. Вторую поднял. Как канатоходец. — Он говорил медленно, будто вытаскивал слова откуда-то из глубины. — И тогда она крикнула.

— Кто?

Он замолчал. Он не знал. Он помнил крик — резкий, страшный, — но чей голос, не помнил. Не должен был помнить. Тень не помнит.

— Не знаю, — сказал он.

— Дальше.

— Нога сорвалась. Я упал. Вода была холодная. Одежда тянула. — Он снова замолчал. Потом добавил тише: — Кто-то схватил меня за воротник. Я вцепился. Не в воду. В него. Обеими руками. И потянул вниз.

— В него, — повторил первый. Не переспрашивая — пробуя слово на вкус.

— В него, — сказал он. — Я не хотел тонуть. Я хотел выжить. И он был единственным, за что можно было держаться.

— А он?

— Он пытался плыть. Одной рукой. Другой держал меня. Но я тянул. — Он помолчал. — И тогда он ушёл под воду. Вместе со мной.

Лампа гудела. Первый не двигался. Второй у стены тоже. А он сидел и чувствовал, как с пальцев капает на пол, — и не мог вспомнить, когда в последний раз держал чью-то руку.

— А потом? — спросил первый.

— Потом я вынырнул. На один вдох. И увидел его лицо. Бледное. Глаза открыты. Он смотрел на меня. И в глазах был страх. Не свой. За меня. — Он сглотнул. Горло саднило, будто он действительно наглотался воды. — Он понял, что тянет меня. И отпустил.

— Сам?

— Сам.

Тишина. Лампа мигнула — и погасла. В темноте было

слышно, как второй откинулся на стуле — слишком громко для такой тихой комнаты. Потом лампа загорелась снова. Ровным, спокойным светом.

— Ты помнишь его лицо? — спросил первый.

Он открыл рот — и не смог. Слова были где-то рядом, он чувствовал их форму, но они не шли.

— Нет, — сказал он наконец. — Не помню.

— Хорошо, — сказал первый. Но не так, как раньше. Медленнее. Будто запоминал. — Теперь слушай внимательно. Ты вышел на контакт раньше срока. Ты помог ей с пакетами. Ты сказал ей, что она не виновата. Это было не по заданию.

— Я справился.

— Ты справился, — согласился первый. — А Лера тебя не увидела. Ты думаешь, это твоя заслуга?

Он не ответил.

— Лера смотрела на подругу, — сказал второй, и в его голосе не было злости — только констатация. — Она не увидела бы тебя, даже если бы ты стоял у неё на пути. Ты не стал незаметным. Ты просто оказался в нужном месте в нужную секунду. Это не навык. Это совпадение. И ты принял его за победу.

Тишина. Лампа гудела.

— Я не должен был выходить, — сказал он тихо.

— Не должен.

— Но я вышел.

— Вышел.

— И что теперь?

Первый встал. Подошёл к нему. Остановился в шаге — так близко, что свет лампы падал ему на лицо и делал его чужим.

— Теперь ты вспомнишь, зачем ты здесь, — сказал он. — Не для того, чтобы помогать ей с пакетами. Не для того, чтобы она тебя замечала. Ты — тень. Тень не разговаривает. Тень не сочувствует. Тень не выбирает. — Он помолчал. — А если выбирает — то перестаёт быть тенью. И тогда у нас две проблемы. Одна из них — ты.

Он хотел ответить. Хотел встать. Хотел что-то сделать — но тело не слушало. И тогда свет лампы стал слишком ярким. Потом слишком белым. Потом — водой.

Вода была холодная. Она ударила в лицо, в рот, в нос, и он забил руками, но руки не плыли. Течение несло его вниз и в сторону, и он не мог понять, где верх. Он глотал воду — горькую, тяжёлую — и она шла не в горло, а куда-то глубже. Он пытался вдохнуть — и вдыхал воду. Сознание путалось, рвалось, как мокрая бумага. Он уже не понимал, где он и кто он. Только темнота. Плотная, тихая, без дна.

А потом — свет.

Тёплый. Ровный. Безучастный. Такой, будто он светит не для него, а просто светит, потому что так надо. Он лежал на чём-то твёрдом. Вода стекала с него ручьями. Кто-то стоял рядом — он не видел кто, только тень.

— Второй шанс, — сказал голос. Не первый, не второй.

Просто голос. — Не трать его.

Он открыл глаза.

Комната. Стол. Два стула. Лампа без абажура — горит ровно, спокойно. Первый и второй смотрели на него. Он сидел на стуле посередине, мокрый насквозь — волосы, рубашка, руки. С него капало на пол.

— Ты понял? — спросил первый.

Он кивнул. Горло саднило, будто он действительно наглотался воды.

— Хорошо, — сказал второй. — Иди. И помни: следующий раз будет последним.

Он встал. Ноги держали плохо. Он дошёл до двери, взялся за ручку — и обернулся.

Первый поднял глаза и посмотрел на него. Во взгляде не было ни тепла, ни враждебности. Только оценка. Будто он смотрел на инструмент, который только что проверили на прочность и пока оставили в ящике.

Второй не поднял глаз вовсе.

Он вышел.

И только в коридоре, прислонившись к стене, почувствовал: под курткой — там, где шелестело и зудело, — теперь было тепло. Ровное, спокойное. Будто вода, которая только что его убивала, оставила в нём что-то своё. И это что-то не уходило.

Он не знал, что это. Но впервые за долгое время ему не было страшно.

Глава 2. Однокурсник

С ним пытался подружиться парень с курса — шумный, весёлый, с рюкзаком, набитым энергетиками. Звали его Марк, и он звал его на вечеринку каждую пятницу. Три недели подряд. Он три недели подряд отказывался. На четвёртую — согласился.

Вечеринка была в подвале, громкая, тесная, с гирляндой из бумажных стаканчиков. Он простоял у стены двадцать минут, держа стакан, который не пил. Кто-то пытался с ним заговорить — он ответил односложно, и человек ушёл. Марк притащил его к столу с настольным футболом — он сыграл две партии и проиграл обе. И вдруг, в какой-то момент, между ударом по мячу и чужим смехом, он забыл о воде. Совсем. На секунду. Может, на две.

Потом кто-то открыл окно, и в подвал ворвался холодный воздух и шум дождя. И он снова вспомнил. Всё сразу: шелест, холод, «тень не помнит». Он поставил стакан на подоконник и ушёл. Марк крикнул что-то вслед — он не обернулся. Дома он долго сидел на полу и думал: вот же было. Две секунды. Можно же так жить. Почему нельзя?

Глава 3. Парапет

Вечер был холодный, ветреный. Он возвращался из библиотеки — той же дорогой, что всегда: мимо газона, подстриженного до одинаковой высоты, мимо витрин, где никто никуда не опаздывал, мимо канала. Канал он всегда обходил по противоположной стороне. Не задумываясь. Просто ноги сами выбирали другую сторону — так же, как утром сами выбирали чай вместо воды. Воду он не пил. Не мог. Ставил стакан и наливал чай.

Мама звонила раз в неделю. Спрашивала про учёбу, про погоду, про то, не пора ли найти «хорошую девушку». Он отвечал ровно. Она говорила: «Ты молодец. Ты не ломаешь себе жизнь». Он соглашался. Клал трубку. И шёл по противоположной стороне.

Иногда ему снилась вода. Не река — просто вода. Холодная, тяжёлая, которая шла не в горло, а глубже. Он просыпался и лежал, слушая, как шумит в ушах. Ровно, как течение. Потом вставал и шёл на кухню. И наливал чай.

Он жил по расписанию, которое сам себе придумал: подъём, душ, кофе, лекции, библиотека, пробежка, ужин, сон. В расписании не оставалось места для вопросов. Ночами под курткой шелестело. Он лежал, смотрел в потолок и слушал. Иногда шелест стихал — и тогда становилось так тихо, что он слышал, как стучит сердце. И это было хуже. Потому что

тишина спрашивала: «А ты кто?» А он не знал, что ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.